

МАТЕРИАЛЫ И РАЗЫСКАНИЯ

Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

О «СЛЕДАХ» СТАРОГО СИГМАТИЧЕСКОГО АОРИСТА
В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Принято считать, что употреблявшиеся еще в старославянском языке формы простого (асигматического) и старого сигматического (с удлинением гласного корня) аориста в ходе развития болгарского языка полностью утрачены. Полагают, что уже в среднеболгарский период эти формы являлись архаизмами, употреблялись лишь как подражание языку более древнему, а народному, живому языку они были чужды. Отсутствие таких форм аориста в современных болгарских говорах констатируется многими исследователями.

Обычно лингвисты, не видя прямых следов старого сигматического аориста с удлинением гласного корня в аористных формах современного языка, пытаются доказать наличие основы этого аориста в других формах. Чаще всего здесь указывают на причастия типа *донел*, употребляемые на значительной территории Болгарии (см. труды В. Ягича, Л. Милетича, Т. Лера-Сплавинского, Н. С. Державина, А. М. Селищева, С. Б. Бернштейна). Высказывались, однако, и другие суждения о происхождении причастий типа *донел*: их объясняли как результат аналогии с причастиями (*в)зел*, *кзел* (С. Младенов), с причастиями *довел*, *завел* (А. Теодоров-Балан), как результат простого сокращения из *донесъл* (Л. Милетич, А. Теодоров-Балан и в последнее время К. Мирчев). Наиболее правильным, с нашей точки зрения, является объяснение, предложенное в 30-х годах К. Мирчевым, согласно которому причастия типа *донел*, *изъл* образованы от основы сокращенного инфинитива (*доне*, *изъл*).

Некоторые лингвисты основу старого сигматического аориста с удлинением гласного корня видели в образованиях несовершенного вида типа *доневам* (В. Ягич, Н. С. Державин, А. М. Селищев, А. Вайан). Однако образование и этих форм может быть объяснено иначе. Так, К. Мирчев считает возможным рассматривать *доневам* как форму, образованную присоединением суффикса *-ва-* к основе сокращенного инфинитива *доне*, или как форму, полученную в результате сокращения формы *донесовам* (выпадение *со*). Л. Милетич высказывал также мнение, что остатком старого аориста *ръхъ* является частица *р'а* (*р'ă*)¹. Но такая этимология этой частицы вызвала возражения со стороны Б. Цонева и других ученых.

Таким образом, несмотря на попытки ряда ученых обнаружить в некоторых формах следы старого сигматического аориста с удлинением гласного корня, наличие этих следов в современном болгарском языке нельзя считать доказанным. Все называемые здесь формы допускают и иное истолкование.

2. В свете вышесказанного исключительный интерес, как кажется, должны представлять некоторые аористные формы, которые и внешне в большой мере напоминают старый сигматический аорист типа *-нъхъ* и которые, поскольку нам известно, до настоящего времени оставались

¹ Частицу *р'а* (*р'ă*) Л. Милетич отметил в говорах Ямбольской и Карнобатской (теперь Поляновградской) околий. В говорах некоторых сел соседней Сливенской околии (например, в селах Гавраилово, Селимилово), по нашим наблюдениям, употребляется частица *ре* (*ра*).

незамеченными. Речь идет об аористных формах типа *донех*, употребляемых в ряде юго-восточных говоров. Мы располагаем формами такого типа от старых основ глаголов *нести*, *вести*, *лѣсти*, *чисти*. Приводим эти примеры.

1) О т о с н о в ы с т.-с л а в. *нести*, б о л г.-*неса*. 1-е лицо ед. числа *занех*: «Исткѣх чувалѣта, одр'агах ги, занѣх ги ф р'аката» (с. Бяла вода, Бургасской околии)¹. Форма *занех* употребляется и в говорах г. Малко Тырново и с. Вылче поле, Свиленградской околии. В последнем отмечена и форма *донех*. 3-е лицо ед. числа *донѣ*: «Армаган ми *донѣ*/... Една дясна рѣка» (Тр., 171, № 396, г. Малко Тырново). 3-е лицо мн. числа *донеха* (*дунеха*) (г. Малко Тырново; с. Бяла вода, Бургасской околии), *занеха* (с. Стоилово, Малкотырновской околии);

2) О т о с н о в ы с т.-с л а в. *вести*, б о л г.-*веда*. 3-е лицо ед. числа *заве*, *пове*: «Та га *завѣ*, *повѣ*/Вѣв гора зелена» (Тр., 40, № 93, с. Каваклия, Европейская Турция). Отметим, что эти формы употреблены в народной песне, записанной в 1929 г. у 82-летней женщины. В той же песне, записанной в 1927 г. со слов 30-летней женщины, вместо *заве* употреблен обычный аорист *заведе* (там же, № 94). 3-е лицо мн. числа *повеха*: «Фатиха си го Димитра/... Та чего, гиди, *повеха* /Към Цариградска бесилка» (Тр., 107, № 257, г. Малко Тырново);

3) О т о с н о в ы с т.-с л а в. *чисти*, б о л г.-*чета*. 1-е лицо ед. числа *прочех*: «На прѣстена, горо сестро, /Име написано./ Я га видях, я га *прочех*—/То на мойто братче» (Тр., 171, № 396, г. Малко Тырново);

4) О т о с н о в ы с т.-с л а в. *лѣсти*, б о л г.-*ляза*. Аорист данного типа встречается значительно чаще. 1-е лицо ед. числа *изл'ах*: «Ц'ала нед'ѣл'а не *изл'ах*» (г. Малко Тырново). Такую же форму Л. Милетич отмечает в с. Ясна поляна (быв. с. Аланкайрак), Бургасской околии (Ost., 267). Форма 3-го лица ед. числа зафиксирована в виде *излье*: «Майка му *излье* да си посрешне, /Да си посрешне млада невяста» (Тр., 276, № 736, г. Малко Тырново); 1-е лицо мн. числа *сл'ахме*: «Ш'а слѣзем дѣлу ф дама, йа ш'а хми нѣйда мѣстото. И *сл'ахме* ф дамѣт» (г. Малко Тырново). 3-е лицо мн. числа *изл'аха*: «Гѣгу ут сѣлу *изл'аха*» (А., 107); «Кѣто дадох клѣтва че нѣма да кѣзвам нѣщо *изл'аха* та отѣдоха» (г. Малко Тырново); «Сички нх брѣагум / *изльаха*/сички сѣ чѣудум чѣудххх» (СбНУ, кн. XXV, 1909, 47, г. Свиленград, быв. г. Мустафа-Паша).

Ниже мы пытаемся дать возможное объяснение приведенных аористных форм. Нам представляется, что здесь могут быть высказаны различные предположения.

3. Аористные формы типа *донех* можно рассматривать как результат прямого развития на болгарской почве старого сигматического аориста типа *нѣхъ*. Такое истолкование по крайней мере некоторых из этих форм весьма заманчиво и на первый взгляд отнюдь не невозможно. Формы подобного типа не являются каким-то уникалом, принадлежащим только болгарскому языку. Как известно, в современном сербскохорватском язы-

¹ Здесь и ниже примеры без указания печатного источника взяты из рукописных материалов диалектологических экспедиций Ин-та болгарского языка БАН и Ин-та славяноведения АН СССР, 1956—1958 гг.

В статье нами приняты следующие сокращения: А.—Георги п. А я н о в, Малко Тырново и неговата покрайнина, Бургас, 1939; Изв.—Известия на Института за български език», кн. IV, София, 1956; К.—«Коприштенский дамаскин» по изданию: Л. М и л е т и ч, Коприштенски дамаскин..., «Български старини», кн. II, София, 1908; Л.—«Люблинский дамаскин» по изданию: С. А р г и р о в, Люблинският български ръкопис от XVII в., «Сборник за народни умотворения» (СбНУ), кн. XII, София, 1895; РН I — «Родопски напредък», год. I, Шовдив, 1903; РН VI — то же, год. VI, 1908—1909; С.—«Свиштовский дамаскин» по изданию: Л. М и л е т и ч, Свиштовски дамаскин..., «Български старини», кн. VII, София, 1923; Т.—«Тихоодровский дамаскин XVII в.», рукопись Биб-ки им. В. И. Ленина (собрание Н. С. Тихоодрова, Т-702); Тр.—«Тракийски сборник», кн. VII, София, 1939; Ost.—L. M i l e t i č, Das Ostbulgarische, Wien, 1903. Для памятников старославянского языка употребляем общепринятые сокращения.

ке употребляется форма аориста *dōnījeh*, *dōnēh* и др. от основы *nēsti*, которую связывают с основой старого сигматического аориста **něsъ*. Так, С. М. Кульбакин прямо писал, что в сербском «праслав. образования **něsъ*, **rěchъ* (др.-ц.-слав. *нѣсъ*, *рѣхъ*) сохранились, только в форме **něsъ*. *s* заменился согласным *ch*: *pujex*, *-niјex* (= *rījeh*, *nījeh*)»¹. А. Вайан также видит в форме *dōnījeh* основу старого сигматического аориста, только образование ее он связывает не непосредственно с самой формой старого аориста, а с вновь возникшим инфинитивом *dōnījeti*, имеющим основу старого сигматического аориста². Точку зрения А. Вайана разделяет и Т. Лер-Сплавинский³. Широко употреблялся аорист такого типа в старосербском языке⁴. А. Мазон как будто связывает с формой старого сигматического аориста любопытные аористные формы в юго-западных македонских говорах: *donēku*, *donekōme*, *donekōte*, *donekōe*⁵. А. Вайан признает их формами с основой старого сигматического аориста⁶.

Отмеченный нами болгарский аорист *dōnex*, *zanex* можно связать со ст.-слав. *нѣсъ* с новым *x* на месте *s*. Переход *н* > *e* здесь в принципе возможен, так как рефлекс *e* на месте *н* обычен для болгарского языка (правда, не для всех говоров). Что касается форм 3-го лица мн. числа от основ *нести*, *вести* — *dōnexa*, *zanexa*, *повexa*, то их также можно возвести прямо к соответствующим формам старославянского: *вънѣсѣ*, (Мар., Зогр., Лк. II, 22), *принѣсѣ* А (Мар., Зогр., Мк. IX, 20); *въсѣ* (Мар., Асс. Мф. XXVI, 57). Различие в окончаниях объясняется легко: в болгарском языке почти повсеместно окончание 3-го лица мн. числа аориста было вытеснено соответствующим окончанием имперфекта.

Что касается формы *прочex*, то ее тоже можно было бы объяснить из старого сигматического аориста (без соединительного гласного *o*). В старославянском известен аорист *чисъ*, например 3-е лицо мн. числа *чисѣ* (Мар., Асс., Ио. XIX, 20). Удлинения гласного корня здесь не происходит, так как *и* представлен уже в корне инфинитива. Форма *прочex* могла развиться из **прочьхъ*, где *н* — ступень удлинения гласного *e*, заменившего закономерно корневой *ь* (ср. ст.-слав. *чьмѣ* и болг. *чета*).

От основы *лѣсти*, *лѣхъ* в старославянском не засвидетельствован старый сигматический аорист с удлинением гласного корня. В старославянском известен простой (асигматический) аорист *лѣхъ*: *вълѣхъ* (Мар., Зогр., Асс., Ио. VI, 24); *излѣхъ* (Мар., Зогр., Ио. XXI, 9). Возможно, что существовал и старый сигматический аорист: 1-е лицо ед. числа **-lēxъ*, 1-е лицо мн. числа **-lēxomъ*, 2-е лицо мн. числа **-lēste*, 3-е лицо мн. числа **-lēšę*; ср. аористные формы от основы *вѣшти*, *вѣхъ*: *въвѣхъ* (Пс. CXVIII, 131), *облѣхомъ* (Син. тр., 2^a), *извѣхъ* А (Пс. XX XVI, 14), *сѣвѣхъ* А (Мар., Зогр., Мф. XXVII, 31). Такой аорист, если он действительно некогда употреблялся, мог лечь в основу современных болгарских форм: *изл'ах* < **izlēxъ*, *сл'ахмe* < **slēxomъ*, *изл'аха* < **izlēšę*.

Особенно интересны формы 3-го лица аориста: *доне*, *заве*, *позе*. Как известно, в старославянском парадигма старого сигматического аориста была неполной. Не было форм 2-го и 3-го лица ед. числа, функцию которых выполняли соответствующие формы асигматического аориста. А. Мейе об этом писал: «Закономерными от *въсъ*, *нѣсъ*, *рѣхъ* и т. д. были бы формы **вѣ*, **нѣ*, **рѣ*, не позволяющие установить их связь с корнями *ведѣ*,

¹ С. М. Кульбакин, Сербский язык, Полтава, 1917, стр. 92.

² A. Vaillant, La langue de Dominko Zlatarić, poète ragusain de la fin du XVI siècle, II, Paris, 1931, стр. 296—297.

³ T. Lehr-Splawinski, Przyczynki staro- i nowo-bułgarskie, «Сборник в чест на проф. Л. Милетич», София, 1933, стр. 66—69.

⁴ См. Ђ. Даничић, Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека, Београд, 1874, стр. 320 и сл.

⁵ A. Mazon, Contes slaves de la Macédoine sud-occidentale, Paris, 1923, стр. 51.

⁶ См.: A. Vaillant, RĚSI, t. XIV, fasc. 1—2, 1934, стр. 88—89.

вести; несѪ, нести; рекѪ, решити и т.д. Однако подобные формы не сохранились, и во 2—3-м лице мы находим лишь формы типа *веде, несе, рече...*»¹.

Что касается происхождения сербскохорватских форм 2—3-го лица ед. числа аориста *ѡзније* (*ѡзнѣ*), *снѡје* и под. (у Д. Даничича: *понѡ, донѡ, дони, зани, доније, заније* и др.), то Д. Даничич считает их, видимо, результатом развития форм старого сигматического аориста. Это видно из того, что приведенные выше формы он рассматривает наряду с формами 1-го лица ед. числа *дониѡхъ, подниѡхъ* и др. в разделе «Аорист први сложенѡ млађи»². Следы старого сигматического аориста видит в них, по-видимому, и А. Вайан. Во всяком случае он не говорит о каком-то другом пути их образования, отличном от образования формы 1-го лица ед. числа, которую, как сказано выше, он связывал через посредство инфинитива *doni-jeti* с основой старого сигматического аориста. А. Лескин, наоборот, считает аористные формы 2—3-го лица ед. числа *iznije* в современном сербскохорватском языке новообразованием, возникшим по аналогии с формами аориста глаголов с основой на гласный (*dā*, инфинитив *dati*)³. К этому склоняется и С. М. Кульбакин, однако его доказательства неубедительны. Указав на то, что в современном языке отсутствует форма 2—3-го лица ед. числа к аористу *ѡднијех* и что вместо нее употребляется форма *ѡднесе*, С. М. Кульбакин далее пишет: «Точно так же и в др.-ц.-слав. языке формы *рѡхъ, нѡхъ* не имеют своих особых форм 2-го и 3-го лица ед. числа, а потому др.-сербские формы *понѡ, донѡ* и *пони, зани* далматинских писателей. в роли 2—3-го лица ед. числа к *ѡднијех* скорее новообразования, чем архаизмы (по образцу *ѡмјех: ѡмје* от *ѡмјети*)»⁴. Очевидно, что одного лишь отсутствия соответствующих форм в старославянском еще недостаточно для признания рассматриваемых форм новообразованиями⁵.

Объяснение *zanex* < *zanъхъ* можно было бы принять, если бы формы типа *zanex* употреблялись в западных говорах Болгарии, где *ъ* > *e* в любой позиции. Но все дело в том, что эти формы употребляются в восточных, точнее юго-восточных говорах, где ударенный *ъ* > *'á* или *ĕ* (*e* широкое открытое) во всякой позиции или же перед твердым слогом и в конце слова. Поэтому из *zanъхъ* в этих говорах должна была бы образоваться форма *zan'áx* (или *zan'ĕx*), а не *zanéx*. Так, в говоре г. Малко Тырново, где употребляются формы *zanex, zanexa, donexa, повеxa, прочex*, на месте *ъ* в аналогичных позициях имеется обычно *'a*, иногда *'ĕ*. Например, в закрытых слогах: *b'áx, c'áx, sed'áx, ojeđn'áx*. Ср. также в других частях речи: *m'áx, sn'ák, m'ásto, m'ásto, l'án*. В говоре с. Бяла вода, где употребляется форма *zanex*, имеем аналогичное положение. В говоре с. Вылче поле, Свиленградской околии, где употребляются формы *donex, zanex*, на месте *ъ* находим *'á* не только перед твердым слогом (*vid'ála, izmr'áxa, razbol'ála* и др.), но и перед мягким (*m'áxnijá, gol'ámijá*). Последнее, правда, не последовательно (ср. *vid'áli*, но *fléli*).

То, что *e* в формах *zanex, donexa* имеет другой источник, а не *ъ*, подтверждается, в частности, следующим. В аористных формах *izl'áx, izl'áxa, sl'áxme*, употребляемых преимущественно в говоре г. Малко Тырново, имеем закономерное изменение *ъ* в *'á*. В развитии *izl'áx* < **izlĕxъ* не наблюдается фонетического несоответствия, какое имеем в случае с *zanex*. Можно полагать, что *izl'áx* связано со старым сигматическим аористом, а *zanex* нет, хотя более правдоподобным было бы, конечно, обратное предположение, поскольку от основы *лъсти* в старославянском сигматический аорист не засвидетельствован.

¹ А. Мейе, Общеславянский язык, М., 1951, стр. 202.

² Ё. Даничич Ђ, указ. соч., стр. 320 и сл.

³ A. Leskien, Grammatik der serbo-kroatischen Sprache, Heidelberg, 1914, стр. 548.

⁴ С. М. Кульбакин, указ. соч., стр. 92.

⁵ Кроме того, вероятно, и старославянскому формы 2-го и 3-го лица ед. числа старого сигматического аориста не были абсолютно чужды (см. А. Соболевский, Несколько редких форм церковнославянского аориста, РФВ, т. VII, № 2, 1882, стр. 274).

Итак, фонетическое несоответствие форм типа *донех* старому сигматическому аористу типа *донъхъ* не позволяет видеть в них непосредственное развитие последнего. По этой же причине нельзя связывать со старым сигматическим аористом и причастия *донел*, *занел*, о чем уже писал К. Мирчев.

Болгарские *доне*, *заве*, *пове* можно было бы возводить к форме 2—3-го лица ед. числа старого сигматического аориста: **doně*, **zavě*, **rově*. Форму 3-го лица ед. числа *излѣ* можно было бы связать с **izlě*. Фонетическая сторона не препятствует такому объяснению этих форм из старого сигматического аориста, так как в восточных болгарских говорах *ъ* на конце слова под ударением может давать рефлекс *ě* и *'á*. Однако примечательно то, что в говоре г. Малко Тырново, где отмечены формы *донѣ*, *завѣ*, *повѣ*, формы 3-го лица ед. числа аориста оканчиваются на *'á*, а не на *-ѣ*, например: *умр'á*, *разбол'á*, *позакъсн'á*. Поэтому то, что в говоре формы 3-го лица ед. числа аориста от *нести*, *вести* оканчиваются гласным *-ѣ*, также должно свидетельствовать о другом происхождении этих форм.

4. Аористные формы типа *донех*, *изл'ах* могли быть образованы от инфинитива, содержащего основу старого сигматического аориста с удлинением гласного корня. Именно так представлял себе А. Вайан образование серб.-хорв. *dñnio* (*dñneo*), *dñijeh* (*dñēh*)¹. Его поддержал Т. Лера-Славинский, который в свою очередь предложил подобное объяснение и болгарских причастий типа *донел*. Он допускает, имея в виду прежде всего западноболгарскую область, что говоры, употребляющие причастие *донел*, «знают еще или в недалеком прошлом знали также и инф. **donēt*, соответствующий серб.-хорв. *dñijeti*»². Восстановление такой инфинитивной формы, по мнению Т. Лера-Славинского, устраняет хронологическое противоречие между давней, как полагают, утратой форм старого сигматического аориста и сравнительно недавним возникновением неизвестных в памятниках форм типа *донел*, имеющих основу такого аориста.

А. М. Селищев также приводит инфинитив с основой старого сигматического аориста *донѣт(и)*. Но, в отличие от Т. Лера-Славинского, он считает, что инфинитив *донѣт(и)*, как и причастие *донъхъ* (> *донел*), образовался в болгарском в тот период, когда в болгарских диалектах старый сигматический аорист еще был в употреблении³.

Инфинитив **donēt* действительно известен болгарским говорам; ср. формы *донети*, *пренети*, употребленные в песнях из с. Теслим (Греция): «Брат ми отиде вода да зѣме./ Сега ще дѣйде, че ще *донѣти*,/ И яс ще пѣти и вам ще дати» (Тр., 69, № 163, с. Теслим); «Можете ли ме *пренѣти*,/ От нѣва странá Ергене? /Ако ли мѢ пренесѣте./ Имѣтя ще ви сре-броса.../ — Ние щем тебе *пренѣти*/ От нѣва странá Ергене» (там же, 305, № 810, с. Теслим)⁴.

Если признать, что инфинитивы *донети*, *пренети* имеют основу старого сигматического аориста *-нѣ*, то станет понятно, почему в аористных формах *донех*, *занех* и др., как и в соответствующих причастиях *донел* и др., на месте *ъ* имеем *ѣ*, а не *'á*: *ъ* перед мягким слогом в **donēti* переходит в *ѣ*. Здесь, однако, возникает ряд сомнений. Прежде всего, например, в говоре с. Теслим *ъ* под ударением перед мягким слогом не всегда переходит в *ѣ*; ср. *влѣзи* (Тр., 76, № 179)⁵. Поэтому надо было бы признать, что форма *донети* лексикализовалась, т. е. что *ъ* во всех производных инфинитива *донѣти* отражается только как *ѣ*. Только в таком случае будет ясно, почему в *донех*, *донел* и под. имеем *ѣ*, а не *'á* на месте *ъ* старого сигматического аориста. Иначе непонятно было бы также, почему при об-

¹ A. Vaillant, La langue de Dominko Zlatarić..., стр. 296—297.

² T. Lehr-Splawinski, указ. соч., стр. 69.

³ А. М. Селищев, Старославянский язык, ч. I, М., 1951, стр. 22.

⁴ Ср. также инфинитивы на *-ти*, приводимые Л. Милетичем (см. Л. Милетич, Разоренето на тракийските българи през 1913 година, София, 1918, стр. 25).

⁵ С. Младенов указывает еще *понѣдѣлник*, *с'амѣ*, *намѣрили*, *с'аки* (см. Ст. Младенов, Принос към изучаване на българските говори в Източна Западна Тракия, «Тракийски сборник», кн. VI, София, 1935, стр. 21—22).

разовании аориста *донех* от инфинитива **doněti ѿ* переходит в *ѣ*, а при образовании аориста *сед'ах* от инфинитива *седѣти*, наличие *ѿ* в котором не подлежит никакому сомнению, *ѿ* переходит в *ѣ*. Во-вторых, едва ли можно доказать, что на всей территории, где распространены аористные и особенно причастные формы рассматриваемого типа, некогда употреблялся инфинитив типа *донети*. Далее, нужно вообще доказать, что *е* в *донети* по происхождению действительно из *ѿ*. Дело в том, что возникновение самого инфинитива *донети* может быть объяснено иначе, например, *доне* + *ти*, т. е. окончание старого инфинитива *-ти* присоединилось к сокращенной инфинитивной основе *доне-* без *с*. Потребность в инфинитиве на *-ти* могла возникать при известной стилизации и в народных песнях, и тогда, может быть, по аналогии с *да-ти*, *ни-ти* (*да*, *ни* — обычные формы сокращенного инфинитива) могла возникнуть и форма *доне-ти*.

Инфинитивные формы *доне*, *заве* и пр. широко распространены в говорах и сейчас. Часто употреблялись они и ранее. Так, в памятниках XVII—XVIII вв. находим инфинитивные формы *поне*, *доне*, *дове*, *заве*, *излѣ*, *слѣ*. То, что эти сокращенные инфинитивы связаны непосредственно с основой старого инфинитива на *-ти*, несомненно. Подтверждение этому находим, в частности, в том, что формы *поне*, *доне*, *дове*, *заве*, *изре* написаны с *е*, а формы *излѣ*, *слѣ* — с *ѣ* в корне. Это отнюдь не случайно, а объясняется тем, что первые образованы из инфинитивов на *-ти* с гласным *е*, а вторые — с гласным *ѣ* в корне. Если бы мы согласились с Т. Лером-Сплавинским и А. М. Селищевым в том, что некогда употреблялся инфинитив **donět, doněti с* основой старого сигматического аориста, то мы должны были бы допустить, что от этих инфинитивов также могли быть образованы сокращенные инфинитивы. Приведенные нами инфинитивные формы из памятников таковыми не являются, потому что нельзя объяснить в таком случае, почему *поне*, *доне*, *заве*, *дове*, *изре* пишутся с *е*, а *излѣ*, *слѣ* — с *ѣ*, если и те и другие образованы от инфинитива, содержащего основу с *ѣ* старого сигматического аориста. Говорить здесь о чистой случайности не приходится. Нельзя это объяснить и разным отражением старого *ѿ* в памятниках различной диалектной принадлежности, так как формы с *е* и *ѣ* встречаются в одних и тех же памятниках. Необъяснимо также возможное предположение о том, что *ѣ* в формах на *-не* (из *-нѣхъ*) выступает как *е*, а в основе *-лѣ* сохраняет свой старый рефлекс. Неясно, почему аорист и причастие от основы *лѣсти* в восточных говорах на месте *ѣ* имеют *ѣ*, а не *ѣ*, т. е. почему имеем *изл'ѣх*, *изл'ѣл*, а не *изл'ѣх*, *изл'ѣл*. Если эти формы также выводятся из какого-то промежуточного инфинитива, то таким инфинитивом должен быть **izl'ati < *izl'ěti*, а не **izletī*, иначе непонятно, почему из **doneti* получаем *донѣх*, а из **izletī* — *изл'ѣх*. Это замечание можно отвести, лишь доказав, что *изл'ѣх* и *донѣх*, соответственно *изл'ѣл* и *донѣл*, имеют различное образование и происхождение.

Мы полагаем, таким образом, что нельзя возводить *донех*, *изл'ах* и другие рассматриваемые здесь аористные формы к инфинитиву типа **donet*, имеющему якобы основу старого сигматического аориста *-нѣхъ*. Мы не можем согласиться с мнением Т. Лера-Сплавинского о том, что инфинитив **donet* является как бы промежуточной формой между старым сигматическим аористом и современным причастием *донел*.

5. Аористные формы *донех*, *изл'ах* и под. могли образоваться в результате простого сокращения обычных аористных форм на *-ох* (*донсох*, *излздох* и под.). Такое объяснение на первый взгляд вполне правдоподобно. В говорах известны многочисленные примеры выпадения отдельных звуков и их комбинаций. Эти выпадения объясняются, как правило, фонетическими причинами. Не исключено, что и рассматриваемые аористные формы образовались в результате сокращения полных аористных форм, а именно: *доне(со)х* > *донех*, *доне(с)е* > *доне* (или: *дон(ес)е* > *доне?*), *доне(со)ха* > *донеха*; *заве(д)е* > *заве* (или: *зав(ед)е* > *заве?*); так же и

пове; *пове(до)ха* > *повеха*; *проче(то)х* > *прочех*; *изл'а(зо)х* > *изл'ах*, *сл'а(зо)хме* > *сл'ахме* и т. д. Как видим, «сокращаются» различные согласные (с, з, т, ш) в сочетании с гласными (о, е) или же сочетания двух и более согласных с гласным (-йдо- в случае с *нахте* < *на(йдо)хте*; -сл- или -сна- в случае с *нарало* < *нарасло* или *нараснало*). Эти сочетания согласных «выпадают» лишь в определенной группе глаголов, именно с основой на согласный. В аналогичных фонетических условиях, но в формах с основой на гласный, такого выпадения не происходит. Нет, например, аориста *мах* вместо *мазах* или *ках* вместо *казах*, *изр'ах* вместо *изр'азах*. А между тем такие формы вполне могли бы возникнуть, если признать, что *изл'азох* > *изл'ах* в результате простого выпадения *зо* (или *за* в некоторых говорах). Подобным же образом дело обстоит и в отношении причастий. Нет, например, *кал* вместо *казал* или *изрял* вместо *изрязал*, хотя фонетические условия здесь вполне сходны с теми, которые предполагают в переходе *изл'азъл* > *изл'ал* (в говорах безударные *ъл* и *ал* в причастиях сильно сближаются).

Было бы большим упрощением объяснять возникновение рассматриваемых аористных форм (и причастий) как следствие простого сокращения.

6. Мы полагаем, что аористные формы *донех*, *изл'ах* образованы от сокращенных инфинитивных форм *доне*, *изл'а*, имеющих основу старого инфинитива (*нести*, *лѣсти*)¹. Если принять такое объяснение, то станут понятны отмеченные выше неясные вопросы.

Так, в восточных говорах имеем форму *донѣх*, а не *дон'ах*. Это объясняется тем, что из старого инфинитива *нести* (с *е*, а не *ѣ* в корне) образовалась сокращенная инфинитивная форма *-не*, тоже с *е* в корне. Именно к этой основе — сокращенному инфинитиву — и присоединяется аористное окончание *-х*: *доне* + *х*. Иначе говоря, в основе аористной и причастной форм имеем этимологическое *е*, а не *ѣ*. В этих же говорах имеем *изл'ах*, *изл'ал*, а не *излѣх*, *излѣл*, поскольку здесь в основе представлено этимологическое *ѣ* (*лѣсти* > *лѣ(сти)* > *-л'ѣ* + *х* > *-л'ах*). В западных говорах, где *ѣ* > *е*, закономерно имеем *излѣл*². По-видимому, именно поэтому в памятниках XVII—XVIII вв. и более ранних причастия типа *донел* еще не встречаются. Это образование более позднего периода.

Что касается инфинитивов *доне*, *изл'а*, то они довольно часто употребляются в современных говорах. Употребляются также и другие подобные инфинитивы, образованные из старых инфинитивов с основой на согласный. Приведем некоторые примеры. Инф. *-ве*, ст.-слав. *вести*: «*дѹѣ еа шке^а*», с. Вырбово Девинской околии (РН, I, 299); инф. *че*, ст.-слав. *чисти*, *чѣтх*: «с'тѣга *че ѡейк'ъ*», с. Нова Надежда Хасковской околии (Изв., 211); инф. *испле*, ст.-слав. *исплести*: «мош' ли м' *исп'лѣ аннѣ ж'урап'ъ*» (там же); инф. *убо*, ст.-слав. *бости*, *бодх*: «нимѡж'гу *убѡ*» (там же); инф. *накла*, ст.-слав. *класти*: «мош' ли *наклѣ сѡбата*» (там же); инф. *изме*, ст.-слав. *измести*, *изметх*: «з'о^а щѣм метла, *изме хи щѣм*», с. Широка Лука (РН, VI, 223). Часто в говорах употребляется инфинитив *-я*, ст.-слав. *юсти*, *юмь*: «мога ли го *изѣ*», с. Момчиловци Смолянской околии (Изв., 55); «с'тѣга *йѣ*», с. Нова Надежда Хасковской околии (там же, 211).

Таково же образование и форм *повеха* (*пове* + *ха*), *прочех* (*проче* + *х*). Возможно, что и аорист *доха*, употребляемый в говорах с. Граматиково и с. Стоилово Малкотырповской околии, и аорист *нахте* также образованы из сокращенных инфинитивов *до* и *на* с присоединением личных окончаний аориста.

Присоединение окончаний аориста (resp. причастия) к сокращенному

¹ Аналогичное объяснение образования причастий *донел*, *изл'ал* было предложено К. Мирчевым, который впоследствии, правда, от него отказался.

² На это различие гласных в корнях причастий *изл'ал* и *донел* К. Мирчев не обратил внимания.

инфинитиву не является необычным для болгарского языка. Основа аористных (причастных) форм в современном языке в большинстве случаев равна сокращенному инфинитиву. Ср.: инф. *бра* — аорист *бра-х*; *каза* — *каза-х*; *ходи* — *ходи-х*; *плака* — *плака-х*; *търпя* — *търпя-х*; *игра* — *игра-х*; *ня* — *ня-х* и т. д.

Таким образом, возникновение *донех*, *донел* и других рассматриваемых нами форм шло в ряду определенной общей модели.

7. Само собой разумеется, что дотого, как возникли такие аористные и причастные формы, уже должны были употребляться соответствующие инфинитивы. При этом возникновение форм *донех*, *донел* стало, видимо, возможным тогда, когда начали широко употребляться сокращенные формы инфинитива любых глаголов и когда могло произойти переосмысление образования аориста и причастия как присоединения окончаний к сокращенному инфинитиву.

Особо следует сказать о сокращенных инфинитивах на *-и*, ст.-слав. *ити*, *идѣ*. В говорах эти формы широко употребительны. Например, «мóжишь ли *ѣ*, *ѣ*е штѣх *ѣ*» (= *да ида*), с. Момчиловци Смолянской околии (Изв., 55); «ни штó *ѣ*» (там же, 54). В инфинитивах приставочных глаголов во многих говорах гласный *и* основы *ити* часто выпадает и в качестве инфинитивной основы выступает только приставка (*до*, *на*). Наряду со случаями типа «*Най* щи ме^а вода студена..., *най* щи ме^а ситан пе^асачо^ак..., *най* щи ме^а гребенъ филдише^ан», с. Чепеларе (РН, I, 78), возможно такое употребление: «ф сѣли не мóжѣ *са нѣ лѣк*», с. Ахыр-Челеби (СбНУ, кн. I, 1889, 117); «ѣе штѣх *дѣ*», с. Момчиловци Смолянской околии (Изв., 55). Инфинитив *до* нередко встречается и в литературных произведениях.

Сокращенные инфинитивы в прошлом были более употребительны. Еще Л. Милетич писал, что в XVII в. сокращенный инфинитив «употреблялся как живая форма в гораздо больших размерах, чем в современных болгарских говорах»¹. В памятниках XVIII в. он также представлен как живая и употребительная форма. Для иллюстрации широкого употребления сокращенных инфинитивных форм от глаголов с основой на согласный в XVII—XVIII вв. приведем ряд примеров, часть из которых уже была отмечена другими авторами.

Инфинитив *-не* (ст.-слав. *нести*): «нѣ могѣ азъ *понѣ* толкѣзи трѣдѣ» (К., 1); «инамѣсто товѣ кѹпищемъ мѣсло исвѣщи, *идонѣщемъ* с(ве)т(б)му» (Л., 716); «ами ща тѣ *зане* да са поклунѣшь на гробу сину моѣму» (С., 261); «та ми ще *юдѣне* да ю преда^м на сѣдѣ» (К., 428).

Инфинитив *-лѣ* (ст.-слав. *лѣсти*, *лѣзѣ*): «а ные да пойдѣмъ на горѣнната де сѣ поклонѣмъ, и пакъ ще^м. *слѣ*» (К., 84); «не быхъ рѣклѣ емѣ да *излѣ* вѣнь» (К., 58); «Кой са не родѣ със водѣ и духомъ не ще *влѣ* в' царство небесное» (С., 210).

Инфинитив *-ве* (ст.-слав. *вести*, *ведѣ*): «азе ща *дове* марѣтѣрѣа прѣрѣка дѣнила» (К., 304); «азъ... те ща *завѣ* при твоего мѣжа» (К., 70).

Инфинитив *-ре* (ст.-слав. *решти*, *рѣжѣ*): «Кой мѣже *изрѣ* радость» (С., 249).

Еще более употребительны в XVII—XVIII вв. были сокращенные инфинитивные формы глаголов с основой *ити*. Ср., например, из Люблянского дамаскина: «Когѣ шѣшь *дѣ* примѣне пакъ... тогѣва щѣ *дѣ* прѣтебе» (Л., 106а). Ср. также: «Не знаешь що ти ще *до* до оутре» (Т., 8 об.); «когѣ шѣ *дѣ* дѣѣ да не слѣшае толѣкова грѣмъ и млѣнѣе и стра^х» К., 333).

Инфинитив *оти* (ст.-слав. *отити*): «кой ще корѣбъ ѿтѣ на нѣговото ѿчѣство» (К., 208).

¹ Л. Милетич, Копришенски дамаскин, стр. LIV. Ср. С. Аргиров, Люблянският български ръкопис от XVII в., Сб НУ, кн. XVI—XVII, 1900, стр. 289.

Инфинитив *пои* (ст.-слав. *поити*): «ныє цѣру безъ плакѣда статилѣта не може^м и *пой* на бой нигѣ» (К., 404).

Инфинитив *наи* (ст.-слав. *наити*): «ако питашь така мѡжешъ *наи* мѣне» (К., 46); «и сѣс голѣма вѣра що проси *наи* ще» (Т., 18 об.).

В памятниках XVII—XVIII вв. широко употреблялись сокращенные инфинитивы и других глаголов. Таким образом, широкое употребление рассматриваемых инфинитивных форм было базой для возникновения и распространения причастий типа *донел*, соответственно аориста *донех*.

8. Может возникнуть вопрос, почему аористные формы типа *донех*, *изл'ах* употребляются очень редко сравнительно с причастиями *донел*, *изл'ал*: причастия употребляются во всей юго-восточной Болгарии, в то время как аористные формы засвидетельствованы (по крайней мере к настоящему времени) в говорах лишь некоторых населенных пунктов. Причину этого, как нам кажется, следует искать в том, что распространение причастных форм типа *донел* находило опору в употреблении причастий типа *прочел*, *изплел* и особенно *довел*, т. е. причастий, образованных от глаголов с инфинитивной основой на согласный. Причастия такого рода — без конечного согласного инфинитивной основы — находим еще в старославянских памятниках. В болгарском они сохранились, хотя в говорах иногда употребляются и формы с согласным, например: *изплетѣл*, *открабѣл* и пр. (под влиянием основы настоящего времени). Причастия *довел*, *завел* и под. легко могли оказать влияние на расширение употребления причастий *донел*, *изл'ал*, так как по своей морфологической структуре эти глаголы весьма близки.

И на возникновении аористных форм могло отразиться влияние причастных форм, например весьма древнее употребление причастий *повел* и под. от основы *вести* могло оказать влияние на появление форм *повеха*, *заве*, *пове*. Ср. также и *прочех* и *прочел*. Возможно также, что в образовании аориста *донех*, *занех* сыграли известную роль причастия *донел*, *занел*, если, конечно, последние появились ранее первых. Следует иметь в виду, что аорист и причастие — формы, тесно связанные друг с другом.

9. От основы вновь возникшего сокращенного инфинитива образованы также глаголы *доневам*, *сл'авам*, *убовам*, *из'авам* и другие, о которых писал К. Мирчев. Таково же образование и глаголов *зевам*, *клавам*, *откравам*, *повевам*. Сокращенная инфинитивная форма, от которой образованы эти глаголы, оканчивается гласным, например: *кла*, ст.-слав. *класти*, *кладж*; *изя*, ст.-слав. *юсти*, *юдж*; *откра*, ст.-слав. *крати*, *крадж*; *убо*, ст.-слав. *бости*, *бодж* и т. д. Приведем в этой связи и чрезвычайно интересную форму такого же образования *навам* в южных македонских говорах¹.

Такое образование (*доне + ва + м*) не представляет в сущности ничего исключительного в болгарском языке. В производных глаголах *изпивам*, *разбивам*, *чувам* и под. по отчленении суффикса имперфективации остается сокращенный инфинитив, равный основе аориста. Аналогичное положение и у глаголов типа *изтърпявам*, *заболявам* и под.

10. Итак, аористные формы *донех*, *изл'ах* и другие нельзя рассматривать как следы старого сигматического аориста в современном болгарском языке. Они представляют собой новоболгарское образование, не связанное со старославянским сигматическим аористом типа *-нѣхъ*. Болг. *донех* и сербско-хорв. *дѡнијех* могут служить примером возникновения разными путями из разных морфологических источников весьма близких внешне форм. Рассмотренные аористные и причастные формы наряду с производными глаголами типа *доневам*, *изл'авам* (а также, может быть, и инфинитивами *донети*, *пренети*) говорят об известной формообразующей активности болгарского сокращенного инфинитива.

¹ Р. А. L a v r o v, J. P o l í v k a, Lidové povídky jihomakedonské, Praha, 1932, стр. 278.